

(Не) его игрушка

18+

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская
(Не) его игрушка

«Автор»

2026

Чародейская Н.

(Не) его игрушка / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Я пришла к нему, чтобы спасти завод отца. Ушла — с контрактом, который перечеркнул всю мою жизнь. Герман Давыдов. Дьявол в костюме. Он скупает разорившиеся бизнесы и не оставляет шансов. Мне он предложил сделку: полгода в его особняке в обмен на долги семьи. Личный ассистент. Игрушка. Пешка. Я думала, что справлюсь. Что выдержу его холод, его правила, его взгляд, от которого всё внутри переворачивается. Но я не учла одного: у контракта есть пункт номер четыре. «Не влюбляться». Я нарушила его первой. И, кажется, он тоже. Остросюжетный любовный роман. Властный герой, дерзкая героиня, контракт на чувства и битва, в которой проигравший получает всё.

Содержание

Глава 1. Дочь своего отца	5
Глава 2. Крепость из стекла и стали	11
Глава 3. Три дня	15
Глава 4. Дьявол остается один	22
Глава 5. Золотая клетка	24
Глава 6. Правила игры	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

(Не) его игрушка

Глава 1. Дочь своего отца

Москва, начало сентября. За три месяца до контракта.

Утро пахло машинным маслом и отчаянием.

Я стояла у ворот завода и смотрела, как рабочие выносят из проходной коробки с личными вещами. Пятьдесят три человека. Пятьдесят три семьи. И в каждой — свой кредит, своя ипотека, свои больные дети. А теперь — сокращение. Третья волна за последние полгода.

Небо над Москвой было серым, тяжёлым, словно его накрыли старым одеялом. Сентябрь только начался, но уже пахло осенью — прелой листвой, сыростью и чем-то ещё, неуловимо грустным. Я поёжилась в своём тонком пиджаке. Купить новое пальто в этом году не получилось — все деньги уходили на латание дыр в заводском бюджете.

— Алиса Дмитриевна, ну сколько можно? — ко мне подошёл Семеныч, начальник цеха, пожилой мужик с руками, похожими на корни дуба. Его лицо, испещрённое морщинами, как старая карта, выражало усталую безнадёжность. — Люди спрашивают. Что им говорить?

Он кивнул в сторону рабочих. Среди них я заметила Ольгу — женщину лет сорока, которая работала на заводе пятнадцать лет. Она прижимала к груди коробку с какими-то личными вещами, а в её глазах стояли слёзы. У неё двое детей. Муж ушёл два года назад. И вот теперь — сокращение.

— Правду, — я поправила ляжку сумки на плече, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Мы ищем инвесторов. Задержка зарплаты — временная.

— Временная, — Семеныч горько сплюнул на асфальт. — У меня дочь в декрете, внуку смесь покупать не на что. А вы — «временная». Алиса Дмитриевна, люди хотят знать: завод выживет или нам уже сейчас искать новую работу?

Я хотела ответить, но слов не было. Потому что он был прав. Завод «Морозов-Сталь» умирал. Медленно, мучительно, со скрежетом ржавеющих станков. И я, Алиса Морозова, двадцати четырёх лет от роду, выпускница МГУ по специальности «антикризисное управление», ничего не могла с этим сделать.

— Скажите им, что я делаю всё возможное, — тихо произнесла я. — И что зарплата за прошлый месяц будет выплачена. Даже если мне придётся продать свою квартиру.

Семеныч долго смотрел на меня. Его глаза, выцветшие от возраста, вдруг потеплели.

— Вы в мать пошли, — сказал он. — Такая же упёртая. Такая же... человеческая. Она бы вами гордилась.

У меня зашипало в носу. Мама. Даже спустя десять лет это имя отзывалось болью в груди.

— Спасибо, Семеныч. Я... я пойду. Бумаги ждут.

Я развернулась и быстро пошла к зданию администрации, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Нет. Не сейчас. Не при людях. Я — дочь своего отца. Я не имею права плакать.

В кармане завибрировал телефон. Папа.

— Алиска, ты где? — его голос звучал бодро, и от этого становилось ещё больнее. Он всегда бодрился, когда дела шли совсем плохо. Я знала эту привычку с детства: чем хуже ситуация, тем шире его улыбка. — Тут бумаги пришли. Какие-то налоговые уведомления. Я ничего не понял. Приедешь?

— Уже еду, пап. Через час буду.

Я сбросила вызов и в последний раз оглядела проходную. Ольга всё ещё стояла у ворот, прижимая коробку к груди. Наши взгляды встретились. Я попыталась улыбнуться, но вышла лишь жалкая гримаса. Она кивнула — понимающе, горько, — и пошла прочь.

Пятьдесят три человека. И это только начало.

Офис завода располагался в старом здании ещё советской постройки. Пахло пылью, бумагой и несбывшимися надеждами. Коридоры были длинными и тёмными — лампочки экономили. Мой кабинет — бывшая комната главного инженера — был заставлен папками с отчетностью. На стене висела фотография: папа, молодой, счастливый, стоит на фоне только что запущенного цеха. 1998 год. Тогда казалось, что впереди только свет.

На столе стояла ещё одна фотография в рамке. Мама. Молодая, красивая, с букетом ромашек. Она смеялась — фотограф поймал момент, когда ветер растрепал её волосы. Эту фотографию я помнила с детства. Она стояла на мамином туалетном столике, а потом, после её смерти, папа перенёс её сюда. Говорил: «Пусть она видит, что мы не сдаёмся».

Я села за стол и разложила бумаги. Налоговое уведомление. Предписание от пожарной инспекции. Просроченный кредит. Ещё один просроченный кредит. И письмо из банка — вежливое, с водяными знаками, в котором нам давали три месяца на погашение задолженности. В противном случае — принудительное банкротство.

Три месяца.

Я откинулась на спинку старого скрипучего кресла и закрыла глаза. Перед внутренним взором проплывали цифры. Дебет. Кредит. Убытки. Мы должны были поставщикам, банкам, рабочим. Общая сумма долга перевалила за двадцать миллионов рублей. Для кого-то — мелочь. Для нас — пропасть.

— Мам, — прошептала я, — что мне делать?

Мама на фото улыбалась, но ответа не дала.

Я потеряла виски. Голова раскалывалась. В университете нас учили, как выводить компании из кризиса. Но ни один профессор не рассказал, что делать, когда кризис — это не цифры в балансе, а живые люди. Ольга с двумя детьми. Семеныч с внуком. Десятки других. И папа, который не спал ночами и делал вид, что всё хорошо.

Дверь скрипнула. Вошёл папа.

Он был высоким, но годы и долги согнули его плечи. Дмитрий Морозов — человек, который в девяностые построил этот завод с нуля. Который пережил два дефолта, три кризиса и одну потерю. Раньше он носил дорогие костюмы и ездил на «Мерседесе». Теперь — потёртый пиджак, купленный лет десять назад, и старенькая «Лада». Он продал всё, что мог, чтобы заткнуть дыры в бюджете. Даже мамины украшения — те, что оставались.

— Ну что там? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

— Плохо, пап. Очень плохо.

Я показала ему письмо из банка. Он надел очки — старые, с треснутой дужкой, перемотанной изолентой, — прочитал. Его лицо посерело.

— Сколько у нас времени?

— Три месяца.

— А кредиторы?

— Двое согласны на отсрочку. Третий требует немедленного погашения. Четвёртый... — я запнулась.

— Четвёртый — что?

Я открыла нижний ящик стола и достала ещё одно письмо. Его прислали вчера, и я не спала всю ночь, перечитывая его снова и снова. На бланке значилось: «D Group. Генеральный директор — Герман Давыдов».

— Четвёртый продал наш долг, — сказала я. — Им.

Папа взял письмо. Прочитал. Опустился на стул. Его руки дрожали.

— Давыдов... — прошептал он. — Я слышал о нём. Говорят, он уничтожает бизнесы, как орехи щёлкает. Зачем ему наш завод?

— У нас хорошая земля, — тихо ответила я. — И старые контракты с поставщиками. Для него это лакомый кусок. Он может просто подождать три месяца, а потом забрать всё за долги.

— И что делать?

— Я поеду к нему, — сказала я наконец. — Попробую поговорить.

— Алиска, он же... — папа осёкся. — Про него такое рассказывают. Он людей ломает. Не в переносном смысле — в прямом. Говорят, один бизнесмен после разговора с ним вышел из кабинета и через неделю умер от инфаркта. Другой — уехал из страны.

— Я знаю, кто он. Но я должна попытаться.

Папа посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах стояли слёзы. Мужские, скупые, которые он не проливал даже на похоронах мамы.

— Ты — моя дочь, — сказал он тихо. — Ты так похожа на неё. Такая же упрямая. Такая же... смелая. Она тоже никогда не сдавалась. Даже когда врачи сказали, что шансов нет, она улыбалась и говорила: «Мы ещё повоюем».

— Пап...

— Подожди. Дай сказать. Я старый дурак, Алиса. Я думал, что справлюсь сам. Что смогу вытащить завод. Но я не смог. И теперь ты расплачиваешься за мои ошибки.

— Это не ошибки, — я встала, подошла к нему и обняла. — Ты боролся до последнего. Ты сделал всё, что мог. Теперь моя очередь.

Он обнял меня в ответ, и на секунду я снова почувствовала себя маленькой девочкой, которую папа защищал от всех бед. Помню, как в детстве, когда мне снились кошмары, он садился на край кровати и рассказывал истории про завод. Про то, как плавится сталь, как она течёт огненной рекой, как из бесформенной массы рождается что-то прочное и настоящее. «Металл — он как человек, — говорил папа. — Сначала его ломают, плавят, мучают. А потом он становится крепче всех».

Теперь защищать нужно было его. И я не знала, хватит ли у меня сил.

Вечером я поехала к Кате.

Катя Шевцова была моей единственной подругой с тех пор, как мы вместе ходили в детский сад. Помню, как в первый день она подошла ко мне — маленькая, кудрявая, с огромным бантом на голове — и сказала: «Давай дружить. У меня есть печенье». И протянула мне половинку разломанного «Юбилейного». С тех пор мы были неразлучны.

Она работала учительницей младших классов в обычной московской школе, жила в крошечной однушке на окраине и верила в людей. Этим мы и отличались: я верила в цифры, она — в людей. Её квартира всегда была наполнена детскими рисунками, стопками тетрадей и запахом свежей выпечки — Катя пекла потрясающие булочки с корицей и утверждала, что они лечат любую депрессию.

— Он скупил ваши долги? — Катя разливала чай по кружкам, её светлые кудряшки смешно подпрыгивали. Сегодня она была в смешном фартуке с нарисованными котами — подарок от учеников на первое сентября. — И ты хочешь пойти к нему?

— У меня нет выбора.

— Алиса, — она села напротив и взяла мои руки в свои. От неё пахло корицей и ванилью — ароматами её фирменных булочек. — Я навела справки. Герман Давыдов — это не просто бизнесмен. Это... как тебе сказать... дьявол в костюме. Про него такие истории рассказывают, что волосы дыбом.

— Например?

— Например, три года назад он довёл до банкротства сеть заводов в Новосибирске. Владелец повесился в гараже. А Давыдов просто купил его землю под застройку и построил торговый центр.

— Я слышала эту историю. Говорят, он предлагал помощь, но владелец отказался.

— А ещё говорят, что у него в особняке живёт коллекция чучел его врагов, — Катя нервно хихикнула. — Ладно, это шутка. Но вообще он страшный человек, Алиса. Я читала интервью с ним — он сказал, что бизнес для него это война, а на войне нет места сантиментам. Ты понимаешь, к кому идёшь?

— Понимаю. Но если ничего не сделать, завод закроется через три месяца. Папа этого не переживёт.

— А ты? Ты это переживёшь?

Я не ответила. Потому что не знала ответа.

Катя вздохнула и встала. Полезла в шкаф и достала маленький газовый баллончик.

— Держи. Это на крайний случай. Брызнешь ему в лицо и беги.

— Катя!

— Я серьёзно! — она сунула баллончик мне в сумку. — И звони мне каждый день. Если пропустишь хоть один — я звоню в полицию. И ещё, — она достала из ящика маленькую иконку, — это мамина. Она говорила, что это помогает.

Я смотрела на баллончик и иконку в своих руках и чувствовала, как к горлу подступает ком. Смех сквозь слёзы.

— Ты удивительная, — сказала я.

— Я знаю, — Катя обняла меня. — Просто возвращайся, ладно? Ты — моя единственная подруга, и я не хочу тебя терять.

— Не потеряешь.

Ночью я лежала без сна в своей комнате и смотрела в потолок. На стене висела старая фотография в рамке: мама, папа и я, десятилетняя, на фоне завода. Мама улыбалась, держа в руках букет ромашек. Это был день рождения завода — двадцать лет с момента запуска.

Помню, как мама надела своё лучшее платье, а папа — галстук, который она ему подарила. Они танцевали прямо в цеху, среди станков, а рабочие хлопали в ладоши.

Мама умерла, когда мне было четырнадцать. Рак. Она боролась два года. Папа продал вторую квартиру, чтобы оплатить лечение. Потом — дачу. Потом — машину. Мы переехали в эту маленькую двушку на окраине, где сейчас и жили. Но даже это не помогло.

Я помню её последний день. Она лежала в больничной палате, бледная, исхудавшая, но всё равно красивая. Держала меня за руку и говорила: «Алиска, не плачь. Я всегда буду с тобой. Вот здесь, — она приложила руку к моей груди. — Слышишь? Я буду в твоём сердце».

После её смерти папа замкнулся. Ушёл в работу. А я стала взрослой. Сама готовила, сама делала уроки, сама поступила в МГУ. На бюджете — потому что денег на платное не было.

И теперь я должна спасти то, что осталось. Потому что завод — это всё, что у нас есть. Это память о маме. Это папина жизнь. Это пятьдесят три семьи, которые ждут зарплаты. Это Ольга с двумя детьми. Это Семеныч с внуком. Это десятки других.

Я встала, включила ноутбук и набрала в поисковике: «Герман Давыдов».

Google выдал десятки статей. «Самый загадочный миллиардер России». «Человек, который никогда не проигрывает». «Давыдов купил очередную компанию — сотрудники готовятся к сокращениям». И ни одной фотографии, где он улыбался. Только холодный взгляд и сжатые губы.

Я кликнула на статью трёхлетней давности. Интервью. Редкое, почти невозможное — Давыдов не общался с прессой. Корреспондент спрашивал: «Почему вы никогда не даёте интервью?»

Ответ был коротким: «Мне нечего сказать людям, которые мне неинтересны».

Следующий вопрос: «Что для вас бизнес?»

Ответ: «Война. А на войне нет места сантиментам».

Следующий вопрос: «А что для вас любовь?»

Ответа не было. Давыдов просто встал и вышел.

Я закрыла ноутбук. В темноте комнаты мне вдруг стало очень холодно. Я собиралась идти на войну. Без оружия. Без армии. С единственным козырем: я была дочерью своего отца. А дочери Морозовых не сдавались.

Я посмотрела на мамину фотографию.

— Мам, — прошептала я, — если ты меня слышишь... дай мне сил. Пожалуйста.

Мама на фото улыбалась. И от этой улыбки становилось немного легче.

Глава 2. Крепость из стекла и стали

За три дня до контракта.

Офис «D Group» располагался в Москва-Сити. Я стояла напротив стеклянной башни, задрав голову так, что чуть не упала. Здание уходило в небо, отражая облака, и казалось, что оно вообще не заканчивается. Где-то там, на двухсотом этаже, сидел человек, от которого зависела судьба моей семьи.

Я никогда не чувствовала себя такой маленькой.

— Алиса Морозова, — произнесла я вслух, словно пробуя имя на вкус. — Ты училась в лучшем вузе страны. Ты разбираешься в антикризисном управлении. Ты справишься.

Внутренний голос ехидно добавил: «Ты в джинсах и свитере, а вокруг люди в костюмах стоимостью в твою годовую зарплату».

Я одернула свой лучший пиджак — тот самый, купленный три года назад для выпускного. Он был темно-синим, классическим, и мама Кати помогла его немного перешить, чтобы сидел по фигуре. Сойдет. Должно сойти.

Внутри башня оказалась еще более пугающей. Мраморный пол, зеркальные стены, охрана на ресепшене, похожая на спецназ. Пока меня проверяли, записывали и выдавали пропуск, я успела три раза пожалеть о своем решении.

— Вам на двести третий этаж, — сказала девушка-администратор с улыбкой, которая не касалась глаз. — Лифт номер семь. Господин Давыдов ожидает.

Ожидает? Я не договаривалась о встрече. Я вообще не была уверена, что меня пустят дальше ресепшена. Но, видимо, мое имя уже всплывало в каких-то списках.

Лифт летел вверх с такой скоростью, что закладывало уши. На стенах — никаких зеркал, только темное дерево и приглушенный свет. Никакой рекламы. Никаких лишних деталей. Минимализм, граничащий с аскетизмом.

Двери открылись, и я шагнула в приемную.

Белый мрамор. Черная мебель. Секретарша, похожая на андроида. Идеальная укладка, идеальный макияж, идеально белая блузка. Она посмотрела на меня, как на пятно на своей безупречной реальности.

— Алиса Морозова? — голос был ледяным.

— Да. Я хотела бы...

— Вас ожидают. Но предупреждаю: у господина Давыдова на разговор ровно пять минут. Начинайте с сути и не тратьте его время на эмоции.

— Я поняла.

Я направилась к массивной черной двери. Сердце колотилось где-то в горле. Ладони вспотели. Я вытерла их о пиджак — бесполезно.

Дверь открылась.

Кабинет был огромным. Панорамное окно во всю стену, за которым Москва казалась игрушечным макетом. Минимум мебели: стол, кресло, стеллаж с книгами. Никаких картин на стенах, никаких фотографий. Стерильно. Холодно.

И он.

Герман Давыдов стоял спиной ко входу. Высокий, широкоплечий, в темно-сером костюме, который сидел так, словно был пошит лично для него (скорее всего, так и было). Он смотрел в окно, и в этом жесте было что-то от властелина мира. Или от хищника, высматривающего добычу.

— Время пошло, Алиса, — раздался низкий, вибрирующий голос, от которого у меня предательски подогнулись колени.

Он не обернулся. Просто знал, что я здесь. Знал мое имя. Знал, зачем я пришла.

Я сглотнула.

— Герман... — я запнулась. Как его называть? Господин Давыдов? — Господин Давыдов, я дочь Дмитрия Морозова. Вы скупили долги нашего завода...

— Я в курсе, — перебил он, по-прежнему не поворачиваясь. — У тебя есть шанс попросить меня о чем-то. Но просить ты, кажется, не умеешь.

— Я не просить пришла, — вспыхнула я. — Я предлагать.

Он резко развернулся. Лучше бы он этого не делал.

Его глаза оказались цвета арктического льда. Светлые, почти прозрачные, они смотрели насквозь, и я физически ощутила себя букашкой под микроскопом. Жесткая линия рта. Резкие скулы. Темные волосы, уложенные безупречно. Ему было около сорока, но выглядел он так, словно время боялось к нему прикасаться.

— Предлагать? — уголок его рта дернулся в усмешке. — Это забавно. Что ты можешь мне предложить, Алиса Морозова?

— Я знаю завод. Я знаю производство. Я могу предложить вам партнерство. Реструктуризацию. Мы можем выйти на прибыль через два года.

— Два года, — он произнес это слово так, словно пробовал его на вкус и оно ему не нравилось. — У меня нет двух лет на благотворительность. Твой завод — банкрот. Его земля

стоит больше, чем всё производство. Зачем мне партнерство, если я могу просто подождать три месяца и забрать всё?

— Потому что на заводе работают люди, — я шагнула вперед, забыв о страхе. — Пятьдесят три семьи. У них дети, кредиты, больные родители. Вы не можете просто...

— Я могу всё, — он преодолел расстояние между нами в два шага. Оказался непозволительно близко. От него пахло дорогим парфюмом и чем-то еще — холодным, опасным, как озон после грозы. — Я могу закрыть твой завод завтра. Я могу сделать так, что твой отец умрет в долгах. Я могу купить твою квартиру, твою дачу и твою жизнь. И никто мне не помешает.

Его палец коснулся моего подбородка, заставляя поднять голову. Я дернулась, но он держал крепко.

— Но... — продолжил он тише, и его ледяной взгляд скользнул по моим губам, — мне скучно, Алиса. У меня есть деньги. У меня есть власть. Но мне скучно.

— При чем здесь я?

— Ты — интересная переменная. Дочь владельца завода приходит ко мне в офис, дерзит и предлагает партнерство. Таких, как ты, я еще не встречал.

Он отпустил мой подбородок и отошел к столу. Открыл ящик и достал тонкую кожаную папку.

— У меня есть встречное предложение.

Он положил папку на край стола. Я не двигалась.

— Что это?

— Контракт. Ты переезжаешь в мой загородный дом и становишься моим личным ассистентом на полгода. Взамен я замораживаю сделку по заводу. Никаких сокращений. Никакого банкротства. Твой отец продолжает управлять производством.

— Личный ассистент? — я усмехнулась, хотя внутри всё похолодело. — Вы шутите.

— Я никогда не шучу о бизнесе.

— И что я должна буду делать? Варить вам кофе?

— В том числе, — он посмотрел мне прямо в глаза. — Условия прописаны в документе. Ознакомься. Но предупреждаю: контракт — это не просьба. Это сделка. И у тебя есть три дня на размышление.

— А если я откажусь?

— Тогда через три месяца я закрываю завод, — он пожал плечами. — Это бизнес. Ничего личного.

Я взяла папку. Руки дрожали.

— Вы чудовище.

— Возможно, — он уже потерял ко мне интерес и повернулся к окну. — Три дня, Алиса. Лифт ждет.

Я вышла из кабинета на ватных ногах. Секретарша проводила меня равнодушным взглядом. В лифте я прижалась спиной к стене и закрыла глаза.

Контракт. Личный ассистент. Полгода в доме человека, который называет бизнес войной, а людей — переменными.

Я открыла папку. На первой странице было написано:

«Контракт №1. Сторона А — Давыдов Г.В. Сторона Б — Морозова А.Д. Срок действия — 6 месяцев».

И ниже, мелким шрифтом:

«Пункт 4. Сторона Б не имеет права влюбляться в Сторону А».

Я рассмеялась в голос. Истерически.

— Не дождетесь, — прошептала я пустому лифту. — Ни за что.

Глава 3. Три дня

День первый. Контракт

Я не помнила, как добралась до дома. Всю дорогу в метро я сжимала папку, словно она могла взорваться. Люди вокруг читали, слушали музыку, дремали — обычный вечер московской подземки. И никто не знал, что у меня в руках документ, который перечеркнёт всю мою жизнь.

Кожаная папка была тяжёлой. Не физически — метафорически. Она давила на руки, на плечи, на грудную клетку, мешая дышать. Я поймала своё отражение в тёмном стекле вагона: бледное лицо, расширенные зрачки, искусанные губы. Так выглядит человек, который только что подписал себе приговор. Или который ещё не подписал, но уже знает, что подпишет.

Дома пахло жареной картошкой. Папа приготовил ужин — его коронное блюдо, единственное, что он умел готовить. С детства помню этот запах: картошка, лук, немного чеснока. Мама называла это «холостяцким ужином» и всегда смеялась, что папа больше ничего не умеет. Он обижался, но недолго.

— Алиска! — он вышел в прихожую, вытирая руки полотенцем. — Ты бледная. Что случилось?

Я молча протянула ему папку. Он вытер руки ещё раз — машинально, не глядя, — открыл, начал читать. Его лицо менялось с каждой секундой: от недоумения к ужасу, от ужаса к ярости. Я видела, как заходили желваки на его скулах — точно так же, как у меня, когда я злюсь. Генетика.

— Он что, совсем?! — папа швырнул папку на стол. — «Личный ассистент»? «Проживание на территории»? «Беспрекословное выполнение поручений»? Это же... это же...

— Рабство, — закончила я. — Но легальное. На полгода.

— Ты не подпишешь.

— Пап...

— Ты. Не. Подпишешь, — он схватил меня за плечи. Его пальцы впились в мои ключицы — сильно, до боли. — Я лучше продам завод. Лучше пойду работать грузчиком. Лучше... Я не позволю тебе жертвовать собой ради моих ошибок!

— У тебя нет завода, чтобы продавать, — тихо сказала я. — Давыдов скупил контрольный пакет долгов. Завод уже не наш. Единственное, что мы можем — это отсрочить банкротство. А если завод закроют, ты не пойдёшь работать грузчиком. Тебе шестьдесят два, пап. У тебя большое сердце. Ты просто не выдержишь.

Он опустил руки. Вся его ярость ушла, осталась только усталость. Такая глубокая, что казалось, она впиталась в стены этой квартиры. В выцветшие обои. В скрипучие половицы. В старую мебель, помнящую ещё мамины руки.

— Это я виноват, — прошептал он. — Я довёл дело до ручки. А расплачиваться тебе.

— Пап, — я обняла его, уткнувшись лицом в старое домашнее пальто, которое до сих пор пахло мамиными духами. Он хранил его в шкафу, не стирал, говорил, что это всё, что осталось от неё. — Ты ни в чём не виноват. Кризис, санкции, поставщики... Ты боролся до последнего. Теперь моя очередь.

— Алиса, ты не понимаешь. Такие, как Давыдов, — они не играют по правилам. Я слышал о нём. Он уничтожил троих моих знакомых. Просто потому, что мог. Одного — того самого, из Новосибирска. Второго — в Питере, тот до сих пор судится. Третьего — в Казани, у него инфаркт случился прямо в зале суда.

— Я знаю. Я читала.

— И всё равно пойдёшь?

Я отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— Я пойду, потому что это наш единственный шанс. Полгода — это не вечность. Я выдержу. А ты за это время найдёшь инвесторов, поправишь дела. И когда я вернусь, мы начнём сначала. Вместе.

Папа долго смотрел на меня. А потом вдруг улыбнулся — той самой улыбкой, которую я помнила с детства. Грустной, но гордой.

— Ты — копия матери, — сказал он. — Она тоже никогда не сдавалась. Помню, когда ей поставили диагноз, она сказала: «Дима, не смей меня хоронить раньше времени». И боролась. Два года. До последнего дня.

— Я помню.

— Она бы сказала тебе то же самое. «Не смей сдаваться, Алиска».

— Я не сдамся.

Мы сели ужинать. Картошка остыла, но мы ели её молча, каждый думал о своём. Я — о контракте. Папа — о маме. И где-то в этой тишине между нами витало её присутствие. Невидимое, но осязаемое. Как запах духов из старого пальто.

Ночь первого дня. Разговор с Катей

— Ты с ума сошла.

Катя сидела на своей крошечной кухне, поджав под себя ноги, и смотрела на меня огромными глазами. На ней была пижама с единорогами — подарок от учеников на прошлый Новый год, — и в другой ситуации я бы рассмеялась. Но не сейчас.

— У меня нет выбора, — сказала я.

— Выбор есть всегда! — она всплеснула руками. — Можно продать квартиру. Можно занять денег. Можно...

— Уже нельзя. Мы всё продали. Всё, что можно. Квартира в ипотеке. Завод в долгах. У нас нет ничего, кроме долгов и этой папки.

Я бросила контракт на стол. Катя открыла его и начала читать. Её губы шевелились, а брови ползли вверх.

— «Пункт 4. Сторона Б не имеет права влюбляться в Сторону А», — прочитала она вслух и фыркнула. — Он что, настолько самоуверен? Думает, что ты в него влюбишься?

— Видимо, да.

— Алиса, это же бред. Нормальные люди не предлагают такие контракты. Это какой-то извращённый способ... даже не знаю. Может, он маньяк? Может, у него в подвале коллекция? Помнишь того серийного убийцу из новостей? Он тоже был миллиардером.

— Я проверяла, — я слабо улыбнулась. — В интернете нет ни одной статьи о том, что он кого-то убил. Только про бизнес.

— Это потому что он хорошо замечает следы!

— Катя, — я взяла её за руку. — Я всё обдумала. Если я не подпишу — завод закроют через три месяца. Папа этого не переживёт. Рабочие останутся без зарплат. А так у нас есть шанс. Полгода — это не вечность.

Подруга долго смотрела на меня. В её глазах читалась борьба: здравый смысл против веры в людей.

— Ты всегда так, — сказала она наконец. — Жертвуешь собой ради других. В школе — ради меня, когда меня дразнили. В университете — ради отца, когда пошла на антикризисное управление вместо того, что тебе нравилось. А теперь — ради завода.

— Я не жертвую. Я выбираю.

— Это одно и то же.

Она встала и полезла в шкаф. Достала оттуда знакомый газовый баллончик — я видела его уже однажды.

— Держи. Это на крайний случай. Брызнешь ему в лицо и беги.

— Катя, у меня уже есть один такой. Ты дала мне его три дня назад.

— Значит, будет два. Один в сумке, второй в кармане. На всякий случай.

Она сунула мне баллончик и села обратно.

— И звони мне каждый день. Если пропустишь хоть один — я звоню в полицию. И ещё... — она замялась. — Я могу с тобой пойти? Ну, в этот особняк? В качестве моральной поддержки?

— Катя, ты работаешь в школе. У тебя тридцать четыре ребёнка. Кто их будет учить?

— Ну... — она вздохнула. — Ладно. Но ты обещай, что будешь осторожна. И если что-то пойдёт не так — сразу уходи. Плюнь на контракт, на завод, на всё. Твоя жизнь важнее.

— Обещаю.

Мы обнялись. От Кати пахло ванилью, детством и безопасностью. Скоро всего этого в моей жизни не будет.

День второй. Разведка

Я решила узнать о Давыдове больше. Не из статей — из живых источников.

Через отца я вышла на человека, который когда-то работал с ним. Бывший партнёр, ныне — владелец небольшой консалтинговой фирмы. Он согласился встретиться в кафе. Представился Сергеем Ивановичем — сухой, подтянутый мужчина лет пятидесяти с цепким взглядом. Одет дорого, но неброско: хорошие часы, но не «Ролекс», качественный костюм, но не от «Бриони». Человек, который знает цену деньгам и не кичится ими.

— Давыдов? — он помешал кофе. — Зачем вам это, милая девушка? Вы похожи на студентку.

— Деловой интерес, — уклончиво ответила я. — Скажите, он правда такой страшный, как о нём говорят?

Сергей Иванович долго молчал, глядя в чашку. В кафе играла тихая музыка — что-то классическое, — и этот контраст между уютной атмосферой и тем, о чём мы говорили, был почти сюрреалистичным.

— Хуже, — сказал он наконец. — Я работал с ним пять лет. За это время он трижды менял партнёров. Первый уехал из страны. Второй — в тюрьме. Третий... Третьего нашли в проруби. Несчастный случай.

— Вы думаете, это Давыдов?

— Я ничего не думаю. Я просто констатирую факты, — он сделал глоток. — Герман Давыдов — это машина. Он не чувствует боли, не знает жалости, не прощает ошибок. Я видел, как он увольнял людей. Он не кричит. Не угрожает. Он просто смотрит — и ты понимаешь, что всё кончено. Что ты — никто. Пустое место.

— Почему вы ушли от него?

— Потому что понял: ещё немного — и я стану четвёртым. Он не терпит конкурентов. Даже потенциальных. Я вовремя вышел из игры. Продал свою долю и открыл своё дело.

— А как же та история? Про девушку из Новосибирска, чей отец повесился?

Сергей Иванович поморщился.

— Это сложнее. Давыдов предлагал ему помощь, но тот отказался. Гордость. Дурацкая мужская гордость. Но знаете, что самое страшное? Давыдов не испытал ни капли сожаления. Я был там, когда ему сообщили. Он сказал: «Это был его выбор». И пошёл пить кофе. Просто кофе. Как будто речь шла о погоде.

Я похолодела. Кофе. Он говорил о смерти человека — и шёл пить кофе.

— А что насчёт его личной жизни? — спросила я. — У него кто-то есть?

— Была невеста. Виктория. Красивая, как модель, и такая же холодная. Они должны были пожениться, но что-то случилось. Подробности не знаю — Давыдов не распространялся. Но после этого он стал ещё жёстче.

— И всё? Больше никого?

— Говорят, была ещё какая-то женщина. Давно. Очень давно. Но она умерла. Подробности я не знаю — это было до меня.

— Спасибо за информацию, — я встала. — Сколько я вам должна?

— Ничего, — он посмотрел на меня с неожиданной теплотой. — Знаете, я вижу, что вы не просто так интересуетесь. У вас глаза человека, который собирается прыгнуть в пропасть. Мой совет: не прыгайте. Давыдов сломает вас так же, как сломал всех остальных.

— Я не сломаюсь.

— Они все так говорили.

Я вернулась домой и весь вечер переваривала услышанное. Машина. Без жалости. Использует и выбрасывает. И этому человеку я собиралась доверить полгода своей жизни.

Но ещё я думала о женщине, которая умерла. Кто она? Почему он хранит её фотографию в ящике стола? И почему эта деталь не давала мне покоя?

Может быть, потому что она доказывала: даже у машин бывает прошлое. Даже у дьяволов — любовь. Когда-то. Давно.

День третий. Решение

Я не спала всю ночь. Сидела на подоконнике, смотрела на огни ночной Москвы и думала.

Передо мной лежали две стопки бумаг. Слева — письма от рабочих завода. Семеныч, у которого дочь в декрете. Ольга с двумя детьми. Молодая пара, взявшая ипотеку. Пенсионер, работавший на заводе ещё с девяностых. Пятьдесят три семьи. Пятьдесят три судьбы.

Справа — статьи о Давыдове. «Безжалостный рейдер». «Человек без сердца». «Дьявол в костюме».

И контракт. Тонкая кожаная папка, которая решала всё.

В пять утра я позвонила Кате.

— Ты чего не спишь? — сонно пробормотала она.

— Я решила.

— И?

— Я подпишу.

Тишина в трубке. Потом тяжёлый вздох.

— Я знала, что ты так скажешь. Ты всегда так. Жертвуешь собой ради других.

— Это не жертва. Это стратегия.

— Стратегия — это когда у тебя есть план. А у тебя есть план?

Я помолчала. План у меня действительно был. Не идеальный. Не героический. Но план.

— Я выдержу полгода. Спасу завод. И уйду. Он сказал, что ему скучно. Значит, я должна быть... интересной. Но не настолько, чтобы он захотел меня оставить.

— Ты собираешься играть с ним в игры? — Катя хмыкнула. — Алиса, это опасно. Он умнее тебя. У него опыта больше.

— Значит, я буду учиться быстрее.

Утром я надела тот самый тёмно-синий пиджак. Собрала волосы в строгий пучок. Взяла папку с контрактом.

Папа ждал меня на кухне. Он не спал всю ночь — я видела это по его красным глазам.

— Я отвезу тебя, — сказал он.

— Не надо. Я сама.

— Алиса...

— Пап, — я подошла и поцеловала его в щёку. От него пахло кофе и старой одеждой. Родной, домашний запах. — Я справлюсь. Правда. Ты меня знаешь.

— Знаю, — он сжал мою руку. — Ты — моя дочь. И ты — самая сильная женщина из всех, кого я встречал. Кроме твоей мамы.

— Я вернусь, — сказала я. — Через полгода. И мы начнём сначала.

Я вышла из дома, поймала такси и назвала адрес Москва-Сити. Утро было серым, моросил дождь. Москва плакала вместе со мной, хотя сама я не плакала. Слёзы кончились.

В башне меня уже ждали. Та же секретарша, та же дверь, тот же кабинет.

Герман сидел за столом, но на этот раз он смотрел прямо на меня.

— Ты пришла раньше срока, — заметил он.

— Я приняла решение, — я положила папку на стол. — Я подпишу контракт. Но у меня есть условия.

— Условия? — он приподнял бровь. — Ты торгуешься?

— Я уточняю границы дозволенного.

Он откинулся в кресле и посмотрел на меня с интересом. В его глазах мелькнуло что-то — любопытство? Уважение? Я не знала.

— Слушаю.

Я глубоко вдохнула. Сейчас или никогда.

Глава 4. Дьявол остается один

Тем же вечером, после подписания.

Герман Давыдов стоял у панорамного окна своего кабинета. Внизу текла Москва-река, мерцали огни, двигались машины — миллионы людей, миллионы чужих жизней. Но он не видел всего этого. Он видел ее.

Алиса Морозова.

Она ушла час назад, а ее запах — что-то легкое, цветочное, совершенно не подходящее этому кабинету — до сих пор витал в воздухе. Или ему просто казалось.

Он взял со стола контракт. Перелистнул страницы. Ее подпись — размашистая, с наклоном вправо, с твердым нажимом на последней букве. «Морозова». Почерк человека, который привык принимать решения.

— Смелая девочка, — произнес он вслух.

В дверь постучали. Вошел Родионов — его бессменный юрист, сухой, как осенний лист, и такой же безэмоциональный.

— Документы готовы. По заводу Морозова долги заморожены. Рабочие получают уведомления завтра.

— Хорошо.

— Герман Викторович, — Родионов замялся. — Позвольте вопрос.

— Задавай.

— Зачем вам это? Вы могли просто закрыть завод и купить землю. Это было бы дешевле.

Давыдов повернулся. Его глаза, обычно холодные, сейчас были задумчивыми.

— Есть вещи, которые не измеряются деньгами, Родионов.

— Например?

— Например, интерес, — Герман подошел к бару и плеснул себе виски. — Эта девочка пришла ко мне в офис. Одна. Без адвокатов, без папочкиных связей. И попыталась диктовать условия. Ты знаешь, когда в последний раз кто-то пытался диктовать мне условия?

— Никогда.

— Именно. А она попыталась. И знаешь, что я почувствовал?

Родионов молчал.

— Уважение, — Давыдов сделал глоток. — Она не боится. Или боится, но не показывает. А это — редкость.

— И поэтому вы заперли ее в своем доме на полгода?

— Я не запираю. Я предложил сделку. Она согласилась.

Юрист покачал головой.

— Вы играете с огнем, Герман Викторович.

— Я играю с огнем всю жизнь, — Давыдов сел в кресло и закинул ногу на ногу. — И пока ни разу не обжегся.

Когда Родионов ушел, Герман остался один. Он выдвинул нижний ящик стола и достал старую фотографию. Единственную, которая хранилась в этом кабинете.

На снимке была женщина. Молодая, светловолосая, с улыбкой, которая могла осветить комнату. Лиза.

— Прости меня, — прошептал он, глядя на фото. — Я знаю, ты бы не одобрила. Но я не могу иначе.

Он убрал фотографию. Закрыл ящик. Выпил виски до дна.

Завтра Алиса Морозова переезжает в его дом. Завтра начнется новая игра. И Герман не знал, что в этой игре проиграет он.

Глава 5. Золотая клетка

День переезда.

Машина за мной приехала ровно в девять утра. Черный «Майбах» — длинный, хищный, с тонированными стеклами. Водитель, молчаливый мужчина в костюме, открыл мне дверь и забрал мой единственный чемодан.

— Это всё? — спросил он с сомнением.

— Всё, — ответила я.

А что еще мне было брать? всю мою жизнь уместилась в один чемодан. Джинсы, пара свитеров, деловой костюм, книга по антикризисному управлению, которую я перечитывала в третий раз. Мамина фотография в рамке. Баллончик от Кати. Всё.

Мы ехали молча. Сначала — Москва, пробки, суета. Потом — область, лес, сосны. Я смотрела в окно и пыталась запомнить дорогу. На случай, если придется бежать.

— Далеко еще? — спросила я.

— Двадцать минут, — кратко ответил водитель.

Особняк возник из-за поворота внезапно. Я ожидала чего-то вроде готического замка с горгульями — в конце концов, Давыдов был дьяволом, и дом у него должен быть соответствующий. Но реальность оказалась другой.

Это был огромный стеклянный куб, вписанный в лесной ландшафт. Минимализм, доведенный до абсолюта. Никаких башенок, никаких колонн. Только стекло, бетон и дерево. Дом был красивым. Холодным, чужим, но красивым.

— Выходите, — сказал водитель.

Я вышла. Воздух пах хвоей и влажной землей. Где-то пела птица. Совершенно неуместный звук в этом месте.

Дверь открылась, и на пороге появилась женщина. Пожилая, строгая, в темном платье.

— Алиса Дмитриевна? Я Елена Павловна, экономка. Пойдемте, я покажу вашу комнату.

— А где...

— Герман Викторович в городе. Будет к вечеру.

Я кивнула и последовала за ней.

Внутри дом оказался еще больше, чем снаружи. Два этажа, огромная гостиная с панорамными окнами, столовая, кухня размером с мою квартиру. Всё стерильно чистое, без единой пылинки. Я чувствовала себя микробом, попавшим в операционную.

Моя комната находилась в восточном крыле — спальня, ванная, гардеробная. Кровать была огромной, с белоснежным бельем. На тумбочке — свежие цветы. В шкафу — несколько вешалок.

— Герман Викторович распорядился, чтобы вам было комфортно, — Елена Павловна говорила без эмоций, но в ее взгляде читалось любопытство. — Если что-то понадобится — нажмите кнопку на стене.

Она ушла. Я осталась одна.

Я села на кровать. Пружины мягко прогнулись. Вот и всё. Я в золотой клетке. На полгода. В доме человека, которого называют дьяволом.

Я достала мамину фотографию и поставила на тумбочку.

— Ну что, мам, — прошептала я, — ты бы мной гордилась? Или сказала бы бежать без оглядки?

Мама на фото улыбалась, но ответа не дала.

Вечером, когда стемнело, я услышала шум подъезжающей машины. Выглянула в окно. Черный «Майбах» остановился у входа. Из него вышел он.

Герман Давыдов.

Он поднял голову и посмотрел прямо на мое окно. Я отшатнулась, хотя он не мог меня видеть сквозь тонированное стекло. Или мог?

Через пять минут в дверь постучали.

— Войдите, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Дверь открылась. Герман стоял на пороге. Без пиджака, в одной рубашке с закатанными рукавами. В домашней обстановке он казался еще опаснее. Как зверь, которого застали в его логове.

— Освоилась? — спросил он, обводя взглядом комнату.

— В процессе.

— Завтра в семь утра ты подашь мне кофе в кабинет. Черный. Без сахара. Ровно восемьдесят градусов. Это твоя первая задача.

— И всё?

— Для начала — да, — он сделал паузу. — И да, Морозова. Добро пожаловать домой.

Он развернулся и ушел. А я стояла и смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри закипает тот самый бунтарский огонек.

Черный кофе. Без сахара. Восемьдесят градусов.

Ну уж нет. Я сварю ему лучший кофе в его жизни. И посмотрим, кто кого.

Глава 6. Правила игры

День первый в особняке.

Будильник на новом телефоне зазвонил в шесть утра. Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Слишком высокий потолок. Слишком мягкая постель. Слишком тихо — только где-то далеко шумит система климат-контроля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.